

Ши Ханьцин слегка опешил, а затем улыбнулся:

— Ты помнишь, что говорил до этого? Я не о тех словах, что ты произнес, подняв голову от стола. А о том, что было раньше, когда ты еще лежал, уткнувшись в него.

Сун Цзыи, услышав это, окончательно запутался:

— Какого черта? Я не понимаю, о чем ты. Можешь повторить, что я тогда сказал?

Ши Ханьцин насмешливо усмехнулся:

— Я тебя совсем не люблю. Нечего тут строить из себя невесть что! Ну что, вспомнил эти две фразы? Мне любопытно, с кем ты тогда разговаривал? Хотя, нет, ты же должен был спать. Значит, это наверняка были слова во сне, верно?

Сун Цзыи: !!!

Черт, черт, черт! Проклятая паршивая Система! Все из-за нее! Если бы она не донимала его своими придирками, разве стал бы он нести такую чушь, выбалтывая то, что у него на уме? А теперь вот — влип в такую нелепую ситуацию!

Сун Цзыи скрежетнул зубами и крайне недовольно ответил:

— Да. Я просто бредил во сне. Мне приснилась одна девица, которая когда-то ко мне приставала. Она вечно строила из себя невесть что и была уверена, что я в нее влюблен. Вот и во сне она снова спросила, люблю ли я ее. У меня от нее уже голова разболелась, вот я и выпалил эти слова, чтобы отвязаться.

Система, которая как раз была той самой девицей, что вечно строила из себя невесть что:

— Твою ж мать! Ты, никчемный носитель! Пока я была неактивна, ты решил очернить мою репутацию? Думаешь, я не знаю, что ты врешь?

Сун Цзыи: Ой, черт! Совсем забыл. Хотя эта паршивая Система и ушла в офлайн, она все равно может следить за всем, что происходит снаружи. Вот же черт, просчитался, серьезно просчитался.

При мысли об этом лицо Сун Цзыи исказилось от досады. Ши Ханьцин, наблюдавший за переменами в выражении его лица, невольно помрачнел. Он только что уловил едва заметный отголосок энергии, принадлежащей Системе. Это означало, что сейчас — нет, пожалуй, еще тридцать минут назад — юноша рядом с ним перестал быть самим собой. Его душа была заменена.

Нынешний Сун Цзыи, как и он сам, не был родом из этого мира. Они оба прибыли из других измерений. И существовала восьмидесятипроцентная вероятность, что они из одного и того же места.

Ши Ханьцин был Верховным богом, управляющим тремя тысячами миров. Однако у него была одна крайне бесполезная особенность: он обладал невероятной чувствительностью к ауре людей или предметов, с которыми хоть раз сталкивался. Он помнил. Когда он еще был Верховным богом, то, кажется, уже встречал где-то ауру, исходящую от человека рядом с ним. Именно поэтому он был так уверен, что они из одного места.

...

Ши Ханьцин прекрасно справлялся со своими обязанностями Верховного бога. Никто не знает, что произошло, но однажды отец внезапно зашвырнул его в этот мир. И заявил: пока он не найдет себе жену, он не вернется и не продолжит править как Верховный бог.

От этой мысли внутри у Ши Ханьцина все кипело от возмущения. Разве легко найти жену? С его-то пристрастием к эстетике и тяжелой формой брезгливости? У него был строгий отбор: некрасивых не предлагать, а если тело отторгает прикосновения — тем более. Если так перебирать, много ли кандидаток останется? В этом огромном мире разве так легко найти того, кого не отвергнет его собственное тело?

Отец явно сделал это нарочно. Если бы мать Ши Ханьцина не была так к нему привязана, отец, снедаемый ревностью, не стал бы ссылать его в три тысячи миров. Впрочем, не стоит об этом и говорить.

<http://bllate.org/book/19866/1955549>